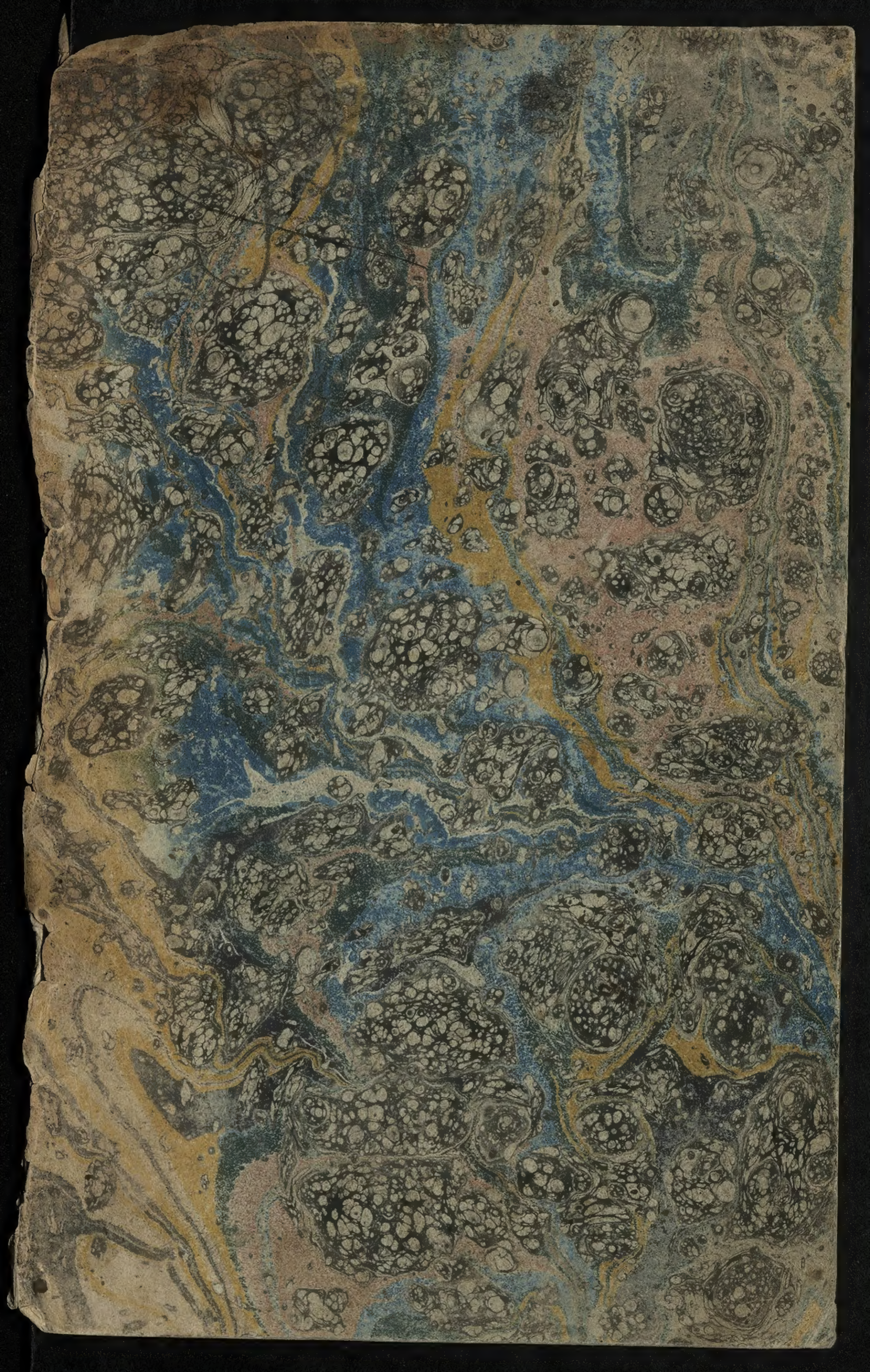

ДВѢ ПОВѢСТИ:

АРИСТОНОЕВЫ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

И

РОЖДЕНІЕ ЛЮДЕЙ

ПРОМИѲЕЕВЫХЪ,

Переведены съ Французскаго.

Изданіе второе.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Издатель приключеній Аристоноевыхъ на Французскомъ языкѣ говоритъ въ предувѣдомленіи своемъ о повѣсти сей такъ, что по прочтеніи похожденія Телемакова не можно найти нѣжнѣйшаго, ни больше трогающаго, кромѣ сего повѣствованія Аристоноева, къ чему въ похвалу ему прибавляетъ, что будто нѣкоторыя искусныя особы его увѣдомляли, что сіе сочиненіе, такъ какъ и Телемакъ, одолжено бытіемъ своимъ прославившемуся сладкимъ и искуснымъ своимъ перомъ, Г. Деламотъ Фенелону. Впрочемъ онъ сего совершенно не утверждаетъ, только говоритъ, что писатель сего Аристоноя подражалъ во всемъ воображенію, слогу и нравоученію Г. Фенелона.

Но естьли читатель, не взирая на мое предувѣдомленіе, не найдетъ въ переводѣ сего похожденія всей той сладости и красоты, съ какою оно описывается на французскомъ языкѣ: то оному предлагаю, что я еще недовольно искусенъ во французскомъ нарѣчіи, которому еще

учусь, и притомъ также худо знающъ и въ Россійскомъ словѣ; и хотя извиненіе сіе не служитъ мнѣ къ прославленію, но я хочу лучше безъ славы чистосердечнымъ, нежели съ нею тщеславнымъ остаться, думая притомъ, что чистосердечное признаніе половину вины отпущаетъ.

А о другой повѣсти не могу я болѣе читателю объявить, какъ только сіе, что я ее нашелъ пріобщенною къ прелестницѣ Смирнской, которая по объявленію Французскаго ея издателя переведена съ Греческаго языка, изъ чего можно кажется заключить, что и сія съ того же нарѣчія преложена, хотя о томъ въ приписаніи издателевомъ и не упоминается.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ АРИСТОНОЕВЫ.

Софронимъ, по потеряніи богатствъ предковъ своихъ кораблекрушеніемъ и другими нещастіями, утѣшался добродѣтелію своею въ островѣ Дилѣ. Тамъ воспѣвалъ онъ на златой своей лирѣ чудеса боговъ, почитаемыхъ имъ нелицемѣрно; ублажалъ Музъ, возлюбившихъ его; изыскивалъ любопытно таинства природы, теченіе звѣздъ и небесъ, порядокъ стихій, строеніе вселенныя, которую онъ измѣрилъ принадлежащимъ къ тому орудіемъ; свойство произращеній, сходство животныхъ; но наипаче научалъ самъ себя, и упражнялся попечительно въ украшеніи души своей добродѣтелію. И такъ щастіе, хотѣвшее его низпровергнуть, вознесло его на степень справедливѣйшія славы, происходящія отъ премудрости.

Между тѣмъ, какъ жилъ онъ щастливо и безъ имѣнія въ своемъ убѣжищѣ, усмотрѣлъ нѣкогда на берегу морскомъ почтеннаго старика, незнакомаго ему дотолѣ: это былъ иностранецъ, пріѣхавшій на оный островъ. Сей старикъ по изшествіи на землю удивлялся берегамъ сего острова, о которомъ вѣдалъ, что прежде сего былъ онъ плавающимъ по водамъ; разсуждалъ о сей странѣ, возвышавшейся сверьху песками и дикими камнями; размышлялъ о малыхъ холмикахъ, покрытыхъ завсегда приращдающимся и цвѣтущимъ дерномъ; не могъ довольно насмотрѣться на чистые ключи и быстрые источники, орошающіе прекрасное сіе поле; по томъ подвинулся онъ къ освященнымъ лѣскамъ, окружающимъ божескій храмъ; удивлялся, видя сію зелень, которую никогда не осмѣливались помрачить Аквилоны, и также размышлялъ о храмѣ, содѣланномъ изъ Паріосскаго мрамора, бѣлѣйшаго снѣга, и окруженнаго высокими ясповыми столпами. Софронимъ не менѣе разсуждалъ о семъ старикѣ, коего сѣдая борода разпростиралася по его груди. Морщливое его лице было безъ безобразія, и былъ еще свободенъ отъ нападковъ дряхлой старости;

сти; глаза его сіяли пріятною живностію; станЪ его былЪ высокій и величественный, но нѣсколько нагбенЪ и поддерживаемЪ жезломЪ изЪ слоновой кости. О иностранецЪ! возгласилЪ кЪ нему СофронимЪ, кого ты ищешь вЪ семЪ островѣ, которой кажется тебѣ быть незнакомымЪ? Не храмЪ ли Божескій привлекЪ тебя сюда, которой ты видишь вдали, такЪ я представляю себя проводить тебя вЪ оный? ибо я боюсь боговЪ, и знаю то, что ЗевсЪ хощетЪ, чтобЪ иностранцамЪ помогали.

Я принимаю, отвѣтствовалЪ старикЪ, предложеніе, сдѣланное мнѣ тобою, сЪ толикими знаками милости, и молю боговЪ наградить твою любовь кЪ страннымЪ; пойдемЪ во храмЪ. ВЪ пути разсказывалЪ онЪ Софрониму вину своего путешествія. Я называюсь, говорилЪ онЪ, АристоноемЪ и есмь уроженецЪ Іоническаго города Клазомена, стоящаго вЪ сей пріятной странѣ, вдавшейся вЪ море, и кажущейся идущею соединиться сЪ островомЪ Хіо, щастливымЪ отечествомЪ Омира; я произшелЪ отЪ родителей бѣдныхЪ, хотя и благородныхЪ. ОтецЪ мой, именемЪ По-

листратЪ, будучи отягченЪ многочисленнымЪ домочадствомЪ, не хотѢлЪ меня воспитать; того ради повелѢлЪ меня одному изЪ своихЪ пріятелей подкинуть вЪ ТеосѢ. НѢкоторая Ериѳриская старуха, имѢвшая свой домЪ подлѢ того мѢста, гдѢ меня кинули, нашла меня и воспитала вЪ своемЪ домѢ козьимЪ молокомЪ; но какЪ она сама была убога: то, когда я пришелЪ вЪ довольныя лѢта кЪ снесенію службы, продала меня купцу, торгующему невольниками, которой увезЪ меня вЪ Ликію. Сей купецЪ перепродалЪ меня вЪ Патару богатому и добродѢтельному человѢку, именемЪ Алькину, которой приложилЪ о мнѢ попеченіе вЪ моей юности. Я ему показался переимчивымЪ, воздержнымЪ, чистосердечнымЪ, склоннымЪ и прилѢжащимЪ ко всѢмЪ тѢмЪ честнымЪ знаніямЪ, которымЪ хотѢли меня научить. ОнЪ меня посвятилЪ тѢмЪ наукамЪ, кЪ которымЪ благосклонствуетЪ АполлонЪ; велѢлЪ меня научить музыкѢ, упражненію тѢлесному, а наипаче искусству врачевать раны. Я скоро пріобрѢлЪ довольно великое прославленіе вЪ сей наукѢ, толико нужной для человѢковЪ, и АполлонЪ, вдохнувшій оную вЪ меня, открылЪ

мнѢ

мнѣ въ ней чудесныя таинства. Алькинъ, возлюбляющій меня болѣе и наиболѣе, и радующійся, видя окончаніе попеченіямъ своимъ обо мнѣ, освободилъ меня и послалъ къ Поликрату, Самосскому Тиранну, которой въ невѣроятномъ своемъ благополучіи завсегда страшился, чтобъ фортуна по толь долгихъ къ нему благосклонностяхъ не измѣнила ему напослѣдокъ наижесточае. Любилъ онъ жизнь, которая для него исполнена была сладостей; боялся ее потерять, и старался предупреждать малѣйшіе знаки горестей, чего ради былъ завсегда окруженъ людьми, знаменитѣйшими во врачеваніи. Поликратъ былъ радъ, видя желающаго меня препроводить жизнь мою при немъ; а чтобъ болѣе меня къ себѣ привлечь, то обогатилъ меня великими сокровищами, и наградилъ честью: я прожилъ не малое время въ Самѣ, гдѣ не могъ довольно надивиться, видя Тиранново щастіе кажущимся принимать увеселеніе, споспѣшествуя ему во всѣхъ его желаніяхъ: лишь бы онъ зачалъ войну, уже побѣда слѣдовала за нею. И такъ не оставалося ему, кромѣ пожеланія вещей невозможныхъ, но и тѣ оканчивалися къ его удовольствію.

Безмѣрныя его богатства умножалися на каждый день; всѣ его враги повержены были къ его ногамъ; здоровье его, не имѣя знака къ умаленію, становилося тверже и ровнѣе. Уже тому было сорокъ лѣтъ, какъ сей Тираннъ спокойный и щастливый держалъ фортуну, какъ будто связанную, не осмѣливающуюся ни въ чемъ ему противорѣчить, ниже причинять малѣйшія остановки въ его намѣреніяхъ. Столь неслыханное между смертными благосостояніе устрашало меня о немъ. Я его любилъ чистосердечно, и не могъ себѣ противиться, чтобъ не открыть ему моего страха. Оный произвелъ напечатлѣніе въ его сердцѣ; ибо хотя и былъ онъ умягченъ пороками и надмѣнъ своимъ могуществомъ, но не оставлялъ еще имѣть нѣсколькихъ чувствъ человѣчества, когда ему припоминали о богахъ и о непостоянствѣ мірскихъ вещей. Не разгнѣвался онъ, когда я ему выговорилъ правду, и столько былъ тронутъ страхомъ моимъ о немъ, что опредѣлилъ наконецъ перервать теченіе своего благополучія лишеніемъ нѣкоторой вещи, которое возхотѣлъ онъ причинить самъ себѣ. Я вижу и самъ, говорилъ онъ мнѣ, что нѣтъ ни еди-

единаго человѣка, которой бы не испыталъ на себѣ немилостей фортуны; многіе пощажены ею, но множайшіе страшатся ужасной ея перемѣны. Я, котораго она награждала богатствамм во время толикихъ лѣтъ, долженствую ожидать отъ нее безмѣрнѣйшихъ горестей, естьли не отвращу того, чѣмъ кажется она мнѣ угрожаетъ, и сего ради постараюсь я поспѣшить предупредить измѣну сего лестнаго щастія. Выговоря сіи слова, снялъ онъ съ пальца своего перстень, которой былъ превеликой цѣны и весьма имъ любимъ. Оный бросилъ онъ въ моемъ присутствіи съ высокія башни въ море, и надѣялся сею утратою удовольствовать надобность терпѣть по крайней мѣрѣ разъ въ жизни жестокости щастія; но сіе было только ослѣпленное дѣло его благосостоянія. Ибранныя горести, и причиненныя самимъ собою, не суть уже горести; мы огорчаемся одними насильственными и нечаянными муками, которыми поражаютъ насъ боги. Поликратъ не постигалъ, что истинное средство преобороть щастіе состоитъ въ томъ, чтобъ отвлекать себя премудростію и воздержаніемъ отъ всѣхъ его тлѣнныхъ даровъ,

ко-

коими оно насъ надѣляетъ. Фортуна, которой онъ хотѣлъ пожертвовать своимъ перстнемъ, не приняла отъ него сей жертвы, и Поликратъ напротивъ того казался щастливѣйшимъ еще прежняго. Большая рыба проглотила его украшеніе; оная была поимана, подарена Поликрату, приготовлена для его стола, и перстень его, сысканный въ утробѣ рыбы, возвращенъ Тиранну, которой поблѣднѣлъ, видя щастіе, толь упрямо ему благосклонствующее; но уже приближалось время, въ которое его благополучія долженствовали перемѣниться вдругъ въ ужасныя напасти.

Дарій, Истасповъ сынъ, великій Царь Персидскій, предпріялъ войну противу Грековъ; тотчасъ покорилъ себѣ всѣ Еллинскіе народы, жившіе на сторонѣ Асійской, и сосѣдственные острова, лежащіе на Эгейскомъ морѣ. Самъ былъ взятъ, Тираннъ побѣжденъ, и Оритъ, Полководецъ великаго Царя, приказалъ воздвигнуть высокій крестъ и Тиранна на немъ распять. И такъ сей человѣкъ, довольствовавшійся столь чудеснымъ благополучіемъ, и которой не могъ самъ испытать исканнаго имъ несчастія, погибъ

вдругъ

вдругЪ жесточайшею и позорнѣйшею казнію. И по сему нѣтЪ ничего болѣе грозящаго человѣку нещастіемЪ, какЪ великое благополучіе. Сіе щастіе, играющее люто знаменитѣйшими человѣками, воздвигаетЪ напротивЪ изЪ пыли наинещастливѣйшихЪ: оное низвергло Поликрата сЪ своего колеса, и меня бѣднѣйшаго изЪ всѣхЪ человѣковЪ наградило великими богатствами. Персы ихЪ у меня не отняли, но напротивЪ сдѣлали еще великую славу моему искусству во уврачеваніи людей и воздержанію, которымЪ я вознесся во время пребыванія моего вЪ милости у Поликрата; а тѣ, которые во зло употребили повѣренность его кЪ себѣ и власть, были покараны различными наказаніями. КакЪ я никогда никому не причинялЪ зла, а напротивЪ того дѣлалЪ всякому добро, сколько могЪ: то остался одинЪ, коего пощадили побѣдители, и сЪ которымЪ обходилися почтительно. Каждой тому радовался; ибо я былЪ любимЪ, и веселился благосостояніемЪ моимЪ безЪ зависти, потому что никогда не оказывалЪ ни жестокости, ни гордости, ни алчности, ни несправедливости. ВЪ Самѣ прожилЪ я еще нѣсколько годовЪ весьма спо-

спокойно; но наконецЪ почувствовалЪ вЪ себѣ непреоборимое желаніе паки увидѣть Дикію, вЪ коей провелЪ я толь тихо мое младенчество. ВЪ оной надѣялся я сыскать воспитавшаго меня Алькина, перваго производителя всего моего благополучія. Прибывъ вЪ сію страну, увѣдомился я, что АлькинЪ по потерянии всѣхЪ своихЪ богатствЪ скончался, и претерпѣлЪ сЪ великимЪ постоянствомЪ свою старость. Я осыпалЪ цвѣтами и оросилЪ слезами его пепелЪ; поставилЪ почтительное надгробіе при его гробѣ, и вопрошалЪ тщательно о его чадахЪ. Мнѣ объявили, что одинЪ сынЪ послѣ него остался, именемЪ ОрсилохЪ, которой, не возмогши заключить являться безЪ имѣнія вЪ своемЪ отечествѣ, вЪ коемЪ отецЪ его имѣлЪ толико сіянія, возшелЪ на иностранный корабль, чтобЪ отплыть на дальнѣйшій морскій островЪ для препровожденія скрытной жизни. КЪ томужЪ еще прибавляли, что сей ОрсилохЪ претерпѣлЪ кораблекрушеніе, спустя мало по томЪ, предЪ островомЪ КареатскимЪ; и такЪ, что никого болѣе не осталося изЪ племени благодѣтеля моего Алькина. Тотчасъ постарался я купить обитаемой имЪ

до:

доселѣ домъ и окружающее оный плодоносное поле. Радовался я не мало, увидя паки тѣ мѣста, которыя подавали мнѣ сладкое воспоминаніе о пріятной моей юности, и о добромъ моемъ господинѣ. Мнѣ казалося, что я паки находился въ первомъ цвѣтѣ моихъ лѣтъ, въ которыя услуживалъ я Алькину.

Едва купилъ я сіи у заимодавцевъ его наслѣдственныя имѣнія, какъ сталъ принужденъ отъѣхать въ Клазоменъ. Отецъ мой Полистратъ и мать моя Фидила тогда преставилися; у меня много было братьевъ, которые жили между собою весьма несогласно. Коль скоро прибылъ я въ Клазоменъ, тотчасъ предсталъ къ нимъ въ простомъ одѣяніи, какъ лишенный имѣнія, показывая имъ знаки, которые имѣютъ стараніе изъяснять дѣти. Они сильно удивилися, видя прибавляющееся число наслѣдниковъ Полистратовыхъ, долженствующихъ раздѣлить малое его наслѣдство; чего ради сами они оспорили мое и отказалися передъ Судіями признать меня своимъ. Чтобъ наказать ихъ безчеловѣчіе, объявилъ я имъ, что я соглашаюсь быть для нихъ иностранцемъ,

и

и просилъ притомъ, чтобъ они навсегда изключены были по мнѣ быть наслѣдниками. Судьи оное опредѣлили; а я показалъ тогда мои богатства, привезенныя мною въ караблѣ, и открылъ имъ, что я сей Аристоной, пріобрѣтшій толико сокровищъ у Самосскаго Поликрата, и что никогда еще не былъ женатъ.

Братья мои тогда раскаявалися въ столь неправедной со мною поступкѣ, и желая быть хотя на день моими наслѣдниками, употребили наисильнѣйшія старанія, но уже втунѣ, войти паки въ мою дружбу. Раздѣленіе ихъ было причиною продажи всего имѣнія моего родителя; я оное купилъ, а они съ сокрушеніемъ увидѣли весь пожитокъ нашего отца, пришедшій въ руки того, которому они ни малѣйшей части не хотѣли изъ онаго дать. Отъ сего впали они всѣ въ ужасную нищету; но послѣ, какъ они довольно претерпѣли горести за ихъ погрѣшеніе, восхотѣлъ я показать имъ доброе мое сердце: простилъ ихъ всѣхъ, принялъ въ мой домъ, и далъ каждому изъ нихъ, чѣмъ можно получить хорошій прибытокъ купечествомъ морскимъ; соединилъ ихъ всѣхъ

въ

въ одно мѣсто. Они и дѣти ихъ жили у меня всѣ совокупно въ согласіи, и я сдѣлался общимъ отцомъ разныхъ ихъ семей; а они соединеніемъ своимъ и прилѣжаніемъ къ труду собрали вскорѣ многочисленное богатство.

Между тѣмъ старость, какъ ты ее видишь, пришла стучаться къ моимъ вратамъ, обѣлила мои волосы и сморщила мое лице; она меня увѣдомила, что я не долго уже повеселюсь толь совершеннымъ моимъ блаженствомъ. Но прежде моей кончины желалъ я еще разъ увидѣть сію любезную мнѣ страну, и пріятнѣйшую мнѣ самаго моего отечества, сію Ликію, гдѣ научился я быть добрымъ и мудрымъ при предводительствѣ добродѣтельнаго Алькина. Преплывая паки море, спознался я съ купцомъ изъ острововъ Кисладскихъ, которой меня обнадежилъ, что еще остался послѣ Орсилоха сынъ въ островѣ Дилѣ, которой подражаетъ премудрости и добродѣтели дѣда своего Алькина. Услышавъ сіе, тотчасъ оставилъ я путешествіе въ Ликію, и спѣшилъ поскорѣе сыскать при гадательствахъ Аполлоновыхъ въ его островѣ сей драгоцѣнный остатокъ такого рода, которому я всемъ одолженъ.

 Мало

Мало уже времени осталось мнѣ жить: Парка, непріятельница сего сладкаго покоя, какой боги толь рѣдко низпосылаютъ смертнымъ, скоро поспѣшитъ перерѣзать нитку моей жизни; но я довольнымъ умру, ежели мои глаза, прежде какъ сомкнутся отъ свѣта, увидятъ внука моего благодѣтеля. Скажи мнѣ поскорѣе, о ты соживущій ему на семъ островѣ! не знаешь ли ты его? Можешь ли ты мнѣ объявить, гдѣ мнѣ его сыскать? Естьли ты мнѣ способствуешь о немъ увѣдать, всемогущіе боги въ награжденіе за сіе допустятъ тебя узрѣть на лонѣ твоемъ сына сыновъ твоихъ даже до пятаго колѣна; всещедрые боги сохранятъ весь твой домъ въ мирѣ и изобиліи въ возмездіе твоей добродѣтели.

Во время сего прошенія Аристоноева Софронимъ проливалъ слезы, смѣшанныя съ радостію и болѣзнію. Напослѣдокъ, не возмогая говорить, бросился на шею старикову, обнялъ его, прижалъ къ своимъ персямъ и произнесъ съ трудомъ сіи слова, прерывавшіяся вздохами:

Я, о мой отецъ! я сей, котораго ты ищешь; ты видишь во мнѣ Софронима, внука твоего друга Алькина; это я, и не могу, слушая тебя, сомнѣваться, чтобъ не сами боги прислали тебя сюда для услажденія моихъ горестей. Благодарность, казавшаяся погибшею на свѣтѣ, паки въ тебѣ воскресаетъ. Я слыхалъ въ моемъ младенчествѣ, что славный и богатый мужъ, почитаемый въ Самѣ, былъ воспитанъ у моего дѣда; но какъ Орсилохъ, родитель мой, скончавшись въ младости, оставилъ меня еще въ колыбели: то не зналъ я о вещахъ сихъ инако, какъ весьма смѣшенно. Не осмѣлился я ѣхать въ Самъ на неизвѣстность, и лучше желалъ жить въ семъ островѣ, утѣшаяся въ нещастіи моемъ презрѣніемъ суетныхъ богатствъ, и тихимъ употребленіемъ ублаженія Музъ въ посвященномъ Аполлону домѣ. Премудрость, приваживающая людей довольствоваться малымъ и быть завсегда спокойными, была мнѣ по днесь вмѣсто всякихъ богатствъ.

Окончавъ сіи слова, увидѣлъ себя Софронимъ пришедшаго въ храмъ; предложилъ Аристоною принесть въ немъ молитву свою и жертвы. По сему и сдѣла-

ли они приношеніе Делію изъ двухъ овечекъ, бѣлѣйшихъ снѣга, и юнца, имѣющаго между роговъ своихъ искривленную луну; по томъ воспѣвали стихи въ честь Фебу, освѣщающему вселенную, управляющему погодами, предсѣдящему наукамъ и оживотворяющему соборъ девяти Музъ.

По изшествіи изъ храма Софронимъ и Аристоной препроводили остатокъ дня въ повѣствованіи другъ другу своихъ приключеній. Софронимъ угощалъ старика своего съ нѣжностію и почтеніемъ, котораго не болѣе бы засвидѣтельствовалъ и самому Алькину, естьлибъ оный въ живѣ еще находился.

Наутріе отъѣхали они вкупѣ, и парусы направили въ Ликію. Прибывъ туда, Аристоной привелъ Софронима на плодоносное поле, лежащее у нѣкоторой рѣки, во струяхъ коей, возвращаяся съ ловитвы Аполлонъ, не рѣдко погружалъ покровенное пылью свое тѣло, и обмывалъ прекрасные свои волосы, подобящіеся злату. По берегамъ сей рѣки увидѣли они широкій рядъ тополъ и ивъ, изъ которыхъ нѣжная и прераждающаяся зелень сокрывала гнѣзды

без-

безчисленнаго числа птицЪ, поющихЪ и днемЪ и ночью. Рѣка, упадающая сЪ дикаго камня сЪ великимЪ шумомЪ и пѣною, разбивала струи свои во рву о великое количество малыхЪ камушковЪ. Вся долина покрывалася золотою жатвою; холмики, возвышающіеся вЪ образЪ позорищныхЪ мѣстЪ, обременялися виноградными лозами и плодоносными деревьями. Вся природа тамЪ казалася смѣющеюся и проливающею изобиліе; тихое и ясное небо свѣтлѣлось, и земля всегда готова подавать изЪ нѣдрЪ своихЪ новыя богатства вЪ заплату земледѣльцевыхЪ трудовЪ.

Подавшися вверьхЪ рѣки, увидѣлЪ СофронимЪ домЪ простой и посредственной, но пріятнаго разположенія и изряднаго повсюду размѣра. ВЪ ономЪ не нашелЪ онЪ ни мрамора, ни золота, ни серебра, ни слоновой кости, ни багряныхЪ украшеній; но все было вЪ немЪ приборно, и наполнено пріятностями и выгодами безЪ всякой пышности. По срединѣ двора билЪ водометЪ (*) и производилЪ ма-

(*) ВодометЪ un jet d' eau, ou une fontaine. Признаюсь, что водометЪ слово новое и выдумак-

малой ручеекЪ по зеленому ковру. Сады его не были пространны, но содержали вЪ себѣ плоды и произращенія, полезныя для питанія человѣковЪ; сЪ двухЪ сторонЪ окружали вертоградЪ его двѣ рощицы, коихЪ деревья столькожЪ почти были древни, какЪ и сама мать ихЪ земля, и которыхЪ густыя вѣтви дѣлали непроницаемую сѣнь отЪ солнечныхЪ лучей.

Аристоной и СофронимЪ вошли вЪ пространнѣйшую онаго храмину, гдѣ имЪ уготовили изЪ сладкихЪ ястивЪ обѣдЪ, произведенной природою вЪ садахЪ, и вЪ коемЪ не видно было ничего такого, что роскошь людей заставляетЪ сыскивать за дорогую цѣну вЪ далечайшихЪ странахЪ. Одно было молоко, подобное сладостію тому, которое имѣлЪ попеченіе доить АполлонЪ, когда онЪ былЪ пастыремЪ у Царя Адмета; и медЪ избраннѣйшій того, которой приноситЪ Иллибейскія вЪ Сициліи пчелы, или на Аттической горѣ Имет-

---

манное мною, и вЪ вольности моей инаго оправданія не представляю, кромѣ сего, что мнѣ лучше разсудилось положить свое, хотя неупотребительное, однакожЪ наше, а не Французское.

Иметтѣ; были тутъ также огородныя произращенія и плоды, сорванные въ самое то время; вино сладчайшее нектара, ліющагося изъ великихъ чашъ въ златокованные сосуды.

Во время сей воздержной трапезы, но сладкой и здоровой, Аристоной не хотѣлъ сѣсть за столъ; подъ разными предлогами старался онъ сокрыть свою кротость; но когда Софронимъ хотѣлъ его къ тому принудить, то онъ ему объявилъ, что онъ никогда не согласится вкушать вмѣстѣ со внукомъ Алькина, которому онъ столь долгое время услуживалъ при томъ самомъ столѣ. Вотъ гдѣ, возопилъ онъ по томъ, сей премудрый старикъ имѣлъ обычай ѣсть; вотъ здѣсь бесѣдовалъ онъ съ своими друзьями; въ семъ мѣстѣ забавлялся разными играми, и вотъ тамъ прогуливался онъ, читая Омира и Исіода, и въ этомъ мѣстѣ покоился онъ во время нощи. Возпоминая сіи обстоятельства, сердце его стѣснилось, и слезы полились изъ очей его.

Послѣ обѣда повелъ онъ Софронима осмотрѣть пріятнѣйшій лугъ, на коемъ

 па-

паслися великія рыкающія стада при берегахъ рѣки; подалѣе оныхъ нашли они паство барашковъ, питавшихся влажною травою; блѣющихъ овецъ, исполненныхъ сладкаго молока, и послѣдуемыхъ малыми и прыгающими ихъ ягнятками. На нивахъ увидѣли они тщательныхъ дѣлателей, которые усердными своими трудами показывали, что они работу любятъ единственно для прибытка ласковаго и благопріятнаго ихъ господина, старающагося отъ нихъ быть любимымъ, и имъ подавать услажденіе въ трудахъ ихъ невольничества.

Аристоной, показывая Софрониму свой домъ, невольниковъ, стада и нивы, сдѣлавшіяся столь плодоносными рачительнымъ земледѣліемъ, произнесъ къ нему сіи слова: несказанно я радуюсь, видя тебя въ древнемъ наслѣдіи твоихъ предковъ, и неописанно доволенъ, возвращая тебѣ обладаніе надъ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ я столь долго служилъ Альмину. Наслаждайся мирно тѣмъ, что ему принадлежало; живи благополучно, и пріуготовляй себѣ издалека бдѣніемъ своимъ кончину тишайшую его.

ВЪ

Въ то же самое время и подарилъ онъ его симъ имѣніемъ со всѣми торжественными обрядами, предписанными законами, причемъ объявилъ, что онъ изключаетъ отъ наслѣдства природныхъ своихъ наслѣдниковъ, ежели они будутъ столь неблагодарны, что станутъ оспоривать подареніе, сдѣланное имъ внуку благодѣтеля его Алькина; но сіе недовольно было для удовольствованія его сердца. Прежде подаренія своего дома украсилъ его Аристоной повсюду уборами новыми, и хотя не великолѣпными, но приличными, прочными и пріятными; житницы его наполнилъ богатымъ даромъ Димитры, а погреба виномъ Хійскимъ, достойнымъ подносиму быть рукою Ганимедовою при столѣ Великаго Зевса; къ оному прибавилъ еще вина Парменійскія съ довольнымъ количествомъ Иметскаго и Ивлскаго меда и масла Аттическаго, не уступающаго почти въ сладости и самому меду; напослѣдокъ ко всему тому присовокупилъ безчисленное множество волны, подобящейся въ чистотѣ и бѣлизнѣ снѣгу, богатой корысти смирныхъ овецъ, пасущихся на Аркадскихъ горахъ, и на жирныхъ Сицилійскихъ паствахъ. Въ такомъ-то со-

 стоя-

стоянія оставилЪ онЪ домЪ свой Софрониму, причемЪ подарилЪ ему еще пятьдесятЪ талантовЪ Евгонических, оставя своимЪ сродникамЪ владѣнія, которыя онЪ имѣлЪ вЪ КлазоменскомЪ полуостровѣ около Смирны, Либеда и Колофона, стоящія великія цѣны.

Когда подареніе учинилося, то Аристоной паки возшелЪ на корабль для возвращенія вЪ Іонію. СофронимЪ, удивленный и обремененный толико знаменитыми благодѣяніями, провождалЪ его со слезами даже до корабля, именуя его непрестанно своимЪ отцемЪ, и лобызая нѣжно вЪ своихЪ объятіяхЪ.

Аристоной скоро прибылЪ кЪ себѣ посредствомЪ щастливаго мореплаванія. Никто изЪ сродниковЪ его не дерзалЪ жаловаться на сіе, что онЪ столь щедро наградилЪ Софронима. Я оставилЪ, говорилЪ онЪ имЪ, по послѣдней моей вЪ завѣтѣ волѣ такое опредѣленіе, что всѣ мои имѣнія будутЪ проданы и раздѣлены по убогимЪ ІонянамЪ, естьли кто нибудь изЪ васЪ осмѣлится уничтожать дарЪ, сдѣланной мною внуку Алькинову.

Сей

Сей премудрый старикЪ препровождалЪ остатки дней своихЪ вЪ тишинѢ, и веселился имѢнiемЪ, посланнымЪ ему богами за его добродѢтель. Каждый годЪ, не взирая на свою старость, дѢлалЪ онЪ путешествiе вЪ Ликiю для свиданiя паки сЪ СофронимомЪ и для принесенiя жертвы на гробѢ АлькиновѢ, которой онЪ изукрасилЪ наивеликолѢпнѢйшими украшенiями; притомЪ повелѢлЪ, чтобЪ собственный его прахЪ по смерти его вмѢщенЪ былЪ вЪ тотЪ же гробЪ, дабы его пепелЪ соединился вкупѢ сЪ прахомЪ дражайшаго его господина.

Каждый годЪ весною нетерпѢливо желая его увидѣть, имѢлЪ СофронимЪ обращенныя очи свои на пространство морское, стараяся усмотрѢть АристоноевЪ корабль, которой повсягодно прихаживалЪ вЪ сiе время. Каждый годЪ вкушалЪ онЪ удовольствiе, усматривая издалека сей корабль, плывущiй по горькимЪ волнамЪ, которой ему былЪ толико любезенЪ; а прибытiе онаго было для него несравненно сладчайшее всѢхЪ даровЪ воскресающей весною природы по жестокостямЪ свирѢпыя зимы.

Въ нѣкоторый годъ не видѣлъ онъ паки приплывающаго по прежнему сего толико желаннаго имъ корабля, воздыхалъ онъ горько, печаль и страхъ изображалися на его лицѣ, сладкій сонъ далеко убѣгалъ отъ его очей, никакія избраннѣйшія яствы не казались ему пріятными; всеминутно онъ безпокоился, смущался отъ малѣйшаго шума, завсегда былъ обращенъ къ пристани, спрашивалъ всѣхъ повсечасно, не видалъ ли кто какого корабля, пришедшаго изъ Іоніи. Напослѣдокъ увидѣлъ его; но, увы! Аристоноя на немъ ужъ больше не было: корабль везъ одинъ его пепелъ въ серебряномъ сосудѣ. Амфиклъ, старинный другъ усопшаго и однихъ почти съ нимъ лѣтъ, будучи вѣрнымъ исполнителемъ послѣдняго его желанія, несъ печально сей сосудъ.

Когда къ нему приближился Софронимъ, слова его пресѣклися, и однѣ всхлипыванія изъясняли его помышленія. Лобызая сей сосудъ, и орошая его теплыми слезами, произнесъ онъ къ нему сіи слова: о любезный мужъ! ты содѣлалъ мнѣ все щастіе моей жизни, и ты же мнѣ при-

причинилЪ и наижесточайшія горести; я тебя болѣе не увижу. Смерть моя будетЪ мнѣ сладка, чтобЪ увидѣть тебя и служить тебѣ вЪ ЕлисейскихЪ поляхЪ, гдѣ тѣнь твоя упокоевается блаженнымЪ миромЪ, которымЪ боги праведныхЪ за добродѣтели награждаютЪ. Ты паки возобновилЪ во дняхЪ нашихЪ истинну, благочестіе и благодарность на земли; ты показалЪ вЪ вѣкѣ желѣзномЪ благость и непорочность златаго вѣка. Боги прежде увѣнчанія твоего вЪ жилищѣ праведныхЪ низпослали кЪ тебѣ на землю блаженную, пріятную и долгую старость; но, увы! чему надлежало бы навсегда продолжаться, то никогда не бываетЪ долговременно. Не чувствую уже я болѣе безЪ тебя никакой сладости вЪ жизни. О дражайшая тѣнь! когда я за тобою послѣдую? Драгоцѣнный прахЪ! естьли ты еще что можешь чувствовать, то несомнѣнно возрадуешься, почувствуя смѣшеніе свое сЪ пепломЪ АльциновымЪ; а мой также когда нибудь смѣшается сЪ вашимЪ, ожидая чего, все мое увеселеніе будетЪ вЪ томЪ, чтобЪ сохранить по смерть сіи любезнѣйшіе для меня остатки. О Аристоной! никакЪ ты умерЪ? но будешь

жить

жить завсегда во глубинѣ моего сердца; скорѣе забуду я самъ себя, какъ тебя, толико любезнѣйшаго мнѣ человѣка, толико любившаго меня, толико любившаго добродѣтель, и такого, которому я всемъ одолженъ на свѣтѣ!

По сихъ прерываемыхъ тяжкими вздохами словахъ поставилъ Софронимъ сосудъ во гробъ Алькиновъ, принесъ многія жертвы, коихъ кровь обливала дерновыя жертвенники, окружающіе гробъ; пролилъ возливаніе, изобилующее виномъ и молокомъ; возжегъ благоуханія, привезенныя отъ конца востока, возставившія на воздухѣ благовонный облакъ.

По томъ уставилъ Софронимъ на всякое лѣто въ сей самый день производить погребательныя игры въ честь Алькину и Аристоною. На оную собиралися изъ Каріи, щастливой и плодоносной страны, отъ красныхъ береговъ рѣки Меандра, увеселяющагося толиками извилинами и кажущагося оставляющимъ съ печалію орошаемую имъ землю; отъ пологихъ и завсегда зеленѣющихъ береговъ рѣки Каистра; отъ струй Пактола, вер-

вертящаго подЪ волнами своими золотый песокЪ; изЪ Памфиліи, которую Церера, Помона и Флора украшаютЪ напрерывЪ; и наконецЪ изЪ пространныхЪ Киликійскихъ долинЪ, орошаемыхЪ подобно вертограду дождями, упадающими сЪ горы Тавра, покрытой завсегда снѣгами. Во время сего толико торжественнаго праздника юноши и дѣвицы, одѣянныя вЪ одежды тканыя изЪ волны, бѣлѣйшія самыхЪ лилій, воэнѣвали пѣсни вЪ честь Алькину и Аристоною; ибо не возможно было хвалить одного безЪ другаго, ни раздѣлять двухЪ мужей, толь тѣсно соединенныхЪ и послѣ самыя смерти.

Но всего было удивительнѣе сіе, что сЪ самаго перваго дня, во время коего дѣлалЪ СофронимЪ возливаніе, составленное изЪ вина и молока, начала произрастать изЪ середины гроба мирѳа зелени и благоуханія преизбраннаго, и вскорѣ потомЪ возвысила кудрявую свою вершину для прикрытія обоихЪ сосудовЪ своими вѣтвями и осѣненіемЪ. Каждый тогда возопилЪ, что Аристоной вЪ возмездіе своей добродѣтели превращенЪ богами вЪ сіе прекрасное дерево. СофронимЪ принялЪ

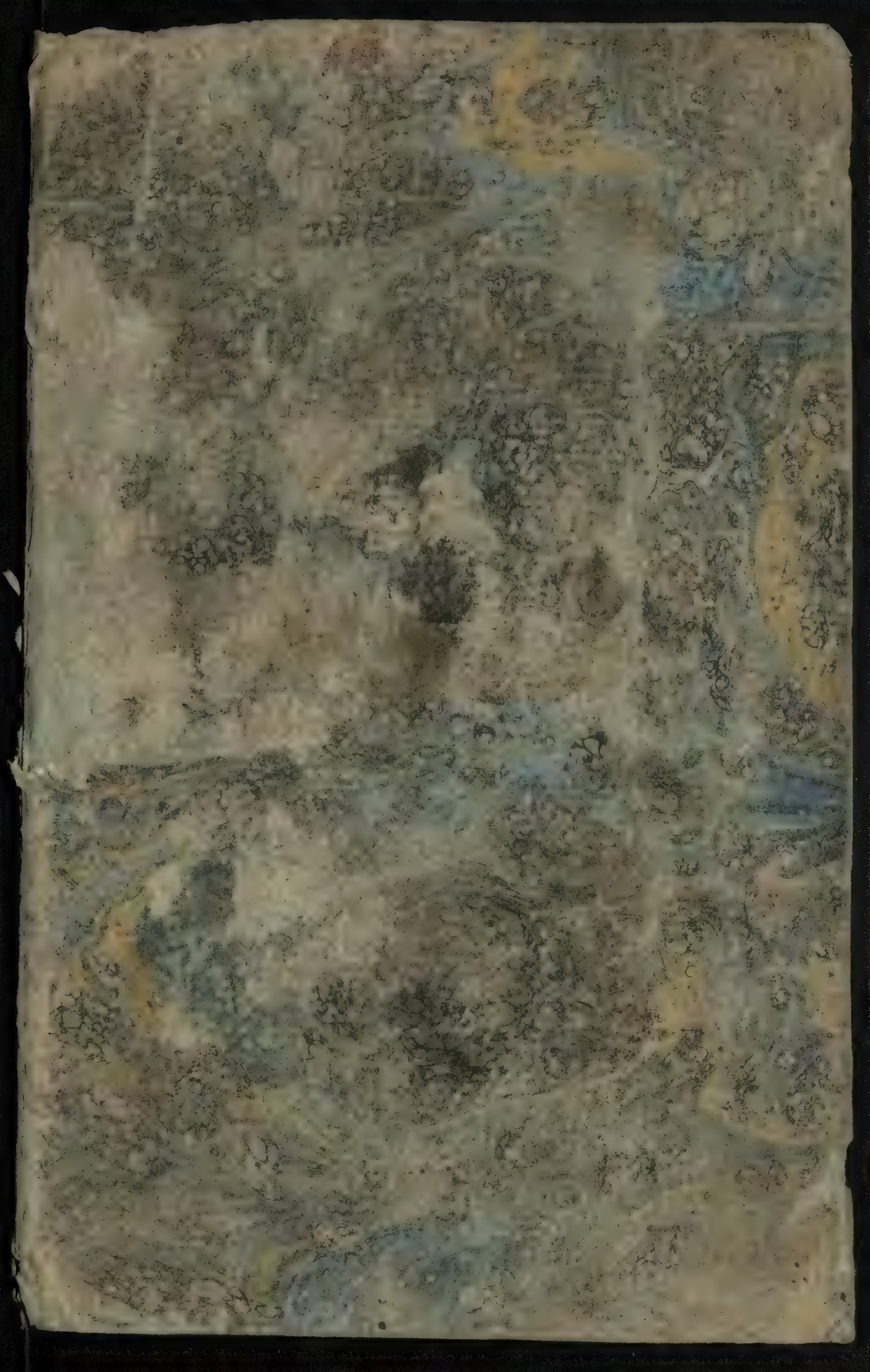
нялЪ попеченіе поливать оное собственными своими руками, и почитать его честію Божескою. Сіе дерево, не показывая ни малаго знака старости, перераждалося черезЪ каждое десятолѢтіе; и боги возхотѢли показать симЪ чудомЪ, что добродѢтель, изпускающая толико сладкое благоуханіе, вЪ память человѢковЪ, никогда не скончавается.

КонецЪ АристоноевыхЪ приключеній.

1857
11. Нояб

РОЖДЕ-

9:

РОЖДЕНІЕ
ЛЮДЕЙ
ПРОМИѲЕЕВЫХЪ.

РОЖДЕНІЕ
ЛЮДЕЙ
ПРОМИѲЕЕВЫХЪ.

Ты вѣдаешь, любезный мой Ѳеодектъ! что премудрый Дидимъ въ Сиракузахъ научалъ божественному Эсклипіевому искусству, и что я у онаго въ юности моей почерпнулъ превосходное знаніе во врачеваніи. Флегонъ, сынъ Аристиловъ, и я, прилѣжнѣйшіе были его ученики. Нѣкогда избралъ онъ насъ для сотоварищесmвованія ему на мысъ Племмирской, на коемъ желалъ онъ сыскать нѣсколько упокоенія. Возвращаяся съ сего мыса, лежащаго прямо противъ малаго острова Ортигіи, остановилися мы разсматривать остатки Ирина храма, построеннаго на берегу морскомъ. Дидимъ, показывая намъ сіи священныя развалины, давалъ намъ примѣчать крѣпость строенія, казавшагося съ жалостью уступающимъ нападкамъ

жамъ времени, пріятную простоту зданія и изрядное расположеніе столповъ. Пересматривая во внутренности Флегонъ и я, увидѣли мы большой остатокъ живописи, которой привлекъ наше вниманіе, но коего содержанія не могли мы растолковать. Въ семъ случаѣ приняли мы прибѣжище къ ученому нашему старику. Онъ наклонился къ куску мрамора, на коемъ начертано было нѣсколько буквъ, которыя старался онъ разобрать; но великое просвѣщеніе его разума умножалося вмѣстѣ съ его лѣтами, которыя ослабили наиболѣе его тѣло. *Дѣти*! сказалъ онъ, обратяся къ намъ, *мнѣ нужны здѣсь ваши глаза, а мои отказываются уже удовольствовать мое любопытство.* Мы довольно имѣли труда на прочтеніе надписанія; оно было составлено на Греческомъ языкѣ, но худо начертанными пуническими письменами, и содержало сіи слова: *ПИРАТЪ* (*) *АКТОРЪ для полученія благопоспѣшнаго мореплаванія посвятилъ Ирѣ, коея унесъ онъ истуканъ, сіе мраморное подножіе, безполезную тяжесть, коею не позхотѣлъ онъ отягчить своего корабля.* Дидимъ не могъ

(*) Πειρατης, морской разбойникъ.

могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться на сіе забавное святотатство; но увидя, что мы его осматриваемъ, принялъ опять постоянный свой видъ. Мы попали по томъ на часть живописи; Дидимъ позналъ въ ней руку Паненову (*), и показывая намъ ея красоты, изтолковалъ въ нихъ столько согласія и вкусу, что можно было къ нему присвоить то, что сказалъ Менехмъ Сикіонскій въ повѣствованіи своемъ о славнѣйшихъ художникахъ, *что столь же не менѣе надобно искусства для почувствованія прекрасныхъ вещей, какъ и для изъясненія оныхъ.* Дидимъ не переставалъ удивляться и соболѣзновать о сей достопамятности, которую время хотѣло обратить въ ничто, и которая уже и такъ много повредилася.

Содержаніе сей живописи было изображеніе мужа и жены, произведенныхъ Промиѳеемъ. Основаніе картины представляло пространную пустыню, на коей живописецъ помѣстилъ наивеселыя полевыя явленія. Являлися тамъ различные звѣри; чета

 чело-

(*) Живописецъ Аѳинскій, братъ Фидіевъ, прославился въ изображеніи.

человѣковъ упражнялася напереди оныхъ. Сіи два лица были совсѣмъ наги, и предудивительнаго искусства. Образъ мущины блисталъ всемъ величествомъ его пола подъ чертами крѣпкими и порядочными; члены имѣлъ тонкіе и твердые, коихъ всѣ мышцы были обяснены, такъ какъ на прекрасныхъ хребтахъ борцовъ, которыхъ ты видалъ въ Архадинѣ (*). Станъ его былъ высокій и таковъ, въ какомъ представляютъ Ироевъ. Ростъ жены казался менѣе, и представлялся въ видѣ разположенія приличнаго, которое давало усматривать всѣ превосходства преизряднѣйшаго соуподобленія Ежели живописецъ употребилъ все искусство своей кисти на обясненіе нашего пола, то оставилъ всѣ пріятности и заразы другому роду. Все въ ней было совершенно, голова, руки, грудь и самыя малѣйшія части; прекрасное разположеніе членовъ, чистая оныхъ равномѣрность, и повсюду пріятство и спѣлость; живость цвѣта казалася дышущею жаромъ и чувствомъ, которыя возбуждала она и въ зрителѣ, и на которую взираніе не оставалося безъ наказанія.

(*) Такъ называлась часть Сиракузъ.

нія. Составь себѣ изъ всего сего воображенія картину, которую не могу я инако тебѣ описать, какъ весьма слабо. Сіи изображенія держалися за руки, и мягкія женскія руки сжимали нѣжно мужскія. Видъ ея лица не можно довольно описать: это было прельщающее смѣшеніе стыдливости, невинности и робости; полузатворенные ея глаза казалися убѣгающими съ нѣжною улыбкою ея лица, которое отсвѣчивалося въ маломъ ручайкѣ. Не знаю я, не было ли сіе природное зеркало вмѣщеннымъ случаемъ отъ живописца для поданія примѣчанія на начало собственной къ намъ любви, родившейся съ нами. Не много подалѣе отъ нихъ стоялъ Промиѳей, держа сосудъ, въ коемъ находился небесный огнь, которымъ онъ оживотворилъ мужа и жену. Сотвореніе свое разсматривалъ онъ съ удовольствіемъ; радость, восторгъ и удивленіе блистали въ алчныхъ его взорахъ.

Послѣ разсмотрѣнія сей живописи просвѣщенными Дидимовыми очами просили мы его разсказать все то, чѣмъ преданіе стихотворческое могло снабдить Панена въ такомъ веществѣ, которое казалося

намъ недостаточнымъ. Дидимъ, не пропускающій ни малѣйшаго случая къ нашему просвѣщенію, посадилъ насъ по сторону себя между тѣми развалинами, и истолковалъ намъ оное такимъ образомъ:

Зевсъ, побѣдитель Титановъ, которыхъ менѣе вооружила на него обида, причиненная Крону, какъ собственное ихъ честолюбіе, довольно уже былъ утвержденъ на своемъ престолѣ, и спокойно вкушалъ нектаръ, возливаемой непрестанно Ивиною рукою; все было мирно на Олимпѣ, и смѣлые сыновья земли, разбіенные небесными молніями, или заключенные въ тартарѣ, не причиняли уже болѣе устрашенія безсмертнымъ; остатокъ Титановъ, избѣжавшій отъ гнѣва боговъ, заблуждалъ печально по землѣ, скорбящей объ ихъ разбитіи и о своемъ опустошеніи. Когда Промиѳей, происходящій изъ рода ихъ, простирая свой взоръ по вершинѣ горы Кавказской, и отъ оной обращая по плодоноснымъ и пустымъ странамъ Асійскимъ: *какъ!* возопилъ онъ, *для того что Титаны хотѣли завоевать небеса, земля останется необитаема? Когда Олимпъ обиталищемъ есть божества, сей ли остаться удѣломъ звѣрей презрѣнныхъ? Потщимся*

ся отмстить сію несправедливость; не станемъ болѣе помощаться на небо, но сдѣлаемся соперниками боговъ; подражимъ ихъ могуществу и дѣламъ, и дадимъ міру обитателей. Сіе рекъ и произвелъ воображеніе о человѣкѣ. Тотчасъ пріявъ свѣжую землю и чистую глину, обдѣлалъ въ образъ самихъ боговъ, и сотворилъ непостижимое произведеніе искусства, коего строеніе не менѣе чудесно въ нашихъ глазахъ, какъ и сей пространной вселенной; и сжимающаяся подъ перстами его глина то дѣлалася слипающеюся и твердѣющею для произведенія костей, служащихъ основаніемъ и подпорою всей махинѣ; то становилася гибкою и жиловатою для составленія мышцей, жилъ становыхъ, тѣлесныхъ и прочихъ связей; то разпускалася на подобіе древесной коры, производя чудесное сіе тканіе, которое прикрываетъ и объемлетъ станъ человѣческій; наконецъ претворилася она въ тысячу образовъ на подобіе воды, коею орошаютъ малое деревцо, и которая при природной своей простотѣ перемѣняется въ разныя существа и превращается постепенно въ листья и плоды. Сказываютъ, что замысловатый сынъ Іапетовъ смочилъ сію

мягкую и рыхлую землю, опредѣленную на произведенiе мозга, сердца и печени разными влагами, которые заимствовалъ онъ отъ животныхъ, и сiе есть источникъ страстей человѣческихъ. Когда Промиѳей окончилъ первое свое творенiе, тогда взялъ остатокъ земли, приготовленной уже совсѣмъ; изтолокъ ее нѣсколько для поданiя ей большей нѣжности, и произвелъ жену, точный снимокъ мущины, подобящейся во всемъ образцу; снимокъ сей сдѣланъ равно и для уравненiя и для разстроенiя завсегда несогласующимся и рожденнымъ для согласiя. Представь себѣ чету, весьма сходную и чрезмѣру не сходствующую; двухъ противоположниковъ и соединенныхъ на вѣки двухъ друзей, завсегда совокупляющихся вмѣстѣ, и двухъ враговъ, непрестанно враждующихъ: таковыхъ ты найдешь въ мужѣ и женѣ, каковыми они вышли изъ рукъ Промиѳеевыхъ, и такихъ, каковые еще и нынѣ находятся.

Сiи два образа, безпрекословно совершеннѣйшiе превосходнѣйшихъ истукановъ Алькаменовыхъ или Фидiевыхъ, были бездушны, такъ какъ мраморъ и мѣдь.

Надле-

Надлежало вселить въ нихъ чувство, жизнь и движенiе.

Промиөей познaлъ тогда, сколь сила его и смыслъ были ниже могущества боговъ; и такъ принялъ намѣренiе, достойное тиранна, то есть, чтобъ итти даже на небо похитить часть оживотворяющаго огня, которой есть душа вселенной. Нашедъ средство войти во святилище безсмертныхъ, гдѣ хранился сей небесный огнь, возвратился паки съ драгоцѣнною своею покражею на подошву горы Кавказской. Тамъ, какъ искусный ваятель, печатлѣваетъ нѣкоторымъ образомъ живность на мѣди, поправляя ее по выходѣ изъ плавки: такъ Промиөей, прикасаяся священнымъ огнемъ къ двумъ своимъ земляным глыбамъ, вдругъ ихъ оживотворилъ и учинилъ живущими. Уже они движутся сами собою и дѣлаютъ разныя положенiя. Теплая кровь переливается въ ихъ жилахъ, и оцвѣчаетъ тѣло ихъ живою краскою; глаза ихъ открываются и блещутъ огнемъ, живущимъ въ ихъ бытiи; вся ихъ душа начертывается на ихъ лицахъ, и ощущенiя ихъ наономъ открываются.

Но обратимся на явленіе; разсмотримъ сіи два сотворенія въ тотъ самой мигъ, когда онѣ претворяются изъ небытія въ бытіе. Ссудилъ ихъ изреченіями для изъясненія ихъ воображеній, раждающихся въ нихъ отъ разныхъ возэрѣлищъ, поражающихъ ихъ чувства; учинилъ ихъ, такъ сказать, разсуждающими разумно, и посмотримъ на изторгшееся ихъ понятіе.

Едва ослѣпленныя свѣтомъ, потрясшимъ слабое ихъ орудіе, обнадѣялися они на помощь слабыхъ своихъ рѣсницъ, какъ первые ихъ взоры упали на нихъ самихъ: и тотчасъ привлекаются другими предметами. Свѣтлая лазорь безоблачнаго неба, хрусталь чистаго ручья, подобнаго прозрачностію воздуху, пестрота луговъ, зелень полей и лѣсковъ, всѣ сіи разцвѣчиванія, которыхъ природа является прибирающею и перемѣняющею для единаго удовольствія очей, по порядку восхищали ихъ глаза, въ оные входили съ пріятностію и безъ помѣшательства, и разпространяя ихъ нѣжныя перепонки, начертывали въ оныхъ прелестные свои виды. Въ сію минуту вселенная казалась нароч-

нарочно вышедшею для нихъ изъ хаоса; повѣствуютъ, что все въ одно время произродилось, зрѣлище и зрители.

Но уже ли взоры ихъ начерпались сего великолѣпнаго позорища? Какое притяженіе привлекаетъ ихъ въ каждое мгновеніе на нихъ самихъ? Они удивляются всему тому, что ихъ ни окружаетъ; но размышляютъ о томъ съ любопытствомъ наиживѣйшимъ и съ корыстующею тайностію. Удовольствіе ихъ смотрѣть другъ на друга не ограничивается въ напечатлѣніи видимаго. Души ихъ выступаютъ въ ихъ глаза; ею они смотрятъ, и сообщаются; чувствованіемъ замѣняется согласіе; они понимаютъ себя, не зная другъ друга, и одна природа остается толковательницею ихъ нарѣчія. Понятія, производимыя въ нихъ другими предметами, не оставляютъ въ ихъ мозгу, кромѣ слабыхъ слѣдовъ; но то, что возбуждаетъ въ нихъ взаимное ихъ присутствіе, движитъ ихъ воображеніе и освобождаетъ его.

Откуду я пришла? гдѣ я? вскричала женщина [ибо непремѣнно ей должно

успу-

уступить честь прекращенія тишины! *Чтожъ я была назадъ тому минуту? Кто вдругъ произвелъ мое бытіе, и чувствованіе моего вещества? Ты, котораго я вижу здѣсь одного, и совсѣмъ похожаго на меня. Естьли состояніе наше равно, помоги мнѣ разобрать все то, что я ни чувствую.* Мущина, имѣя уши удивленныя пѣніемъ птицъ, познаетъ новое чувствованіе, котораго онъ болѣе еще не понимаетъ; ставши пораженъ голосомъ прелестнѣйшимъ, переходитъ изъ удивленія въ удивленіе. *Что слышу я?* вопіетъ онъ въ свой рядъ. *Какіе звоны проницаютъ мои уши, и отъ оныхъ низходятъ въ мое сердце? Какую сладость проливаютъ они въ моей душѣ? Я тебѣ одолженъ новою жизнію, половина моего бытія! которою я дышу; ибо по движеніямъ, кои ты въ меня вселяешь по власти, которую ты надъ чувствами моими оказываешь, не можешь ты иное быть, какъ часть самаго меня.* Послѣ сего тотчасъ къ ней приближается, беретъ ея руку, и сжимая подобные снѣгу ея персты: *что я чувствую?* продолжаетъ. *А! какія прелести присоединены къ сему, къ чему я прикасаюсь! Бѣлизна и нѣжность сей кожи возбуждаютъ въ моей*

ей не знаю какое-то сладкое чувствованіе. Она сей сообщаетъ сладкую теплоту, которая проницаетъ во внутренность моихъ жилъ, и меня воспламеняетъ. Такимъ образомъ удивленіе ихъ перераждалося безпрестанно отъ разныхъ имуществъ, которыя разпознавали они постепенно въ себѣ самихъ; но послѣдующее естественное стремленіе начинаетъ предписывать имъ оныхъ употребленіе; и природа, рачащая болѣе объ ихъ дѣйствіи, нежели о ихъ свѣденіи, старается сдѣлать ихъ понятнѣйшими, нежели внимательными въ ихъ движеніяхъ. Они идутъ, вступаютъ въ долину, въ коей око Промиѳеево ихъ наблюдаетъ. Женщина познаваетъ свою слабость, опираяся на мущину, утверждающаго стопы свои по землѣ; отдается его препровожденію, и съ сей минуты является уступающею ему первенство, которое она скоро надъ нимъ возпріиметъ. Въ семъ видѣ протекаютъ они поле, которое Флора изукрасила всѣми своими дарами. Разцвѣтеніе разнообразныхъ цвѣтовъ забавляетъ ихъ очи, а изходящее отъ нихъ пріятное благовоніе чувствительно объемлетъ ихъ обоняніе, а наипаче женское. Между миртою и рододаф-

ною положенъ былъ пчелами улей меда; запахъ его, смѣшавшися съ благоуханіемъ цвѣтовъ, не убѣгаетъ отъ чувствительнаго ея обонянія: нѣжность онаго тотчасъ его познала. Уже блескъ сей жидкой манны прельщаетъ ихъ очи, и уже глаза ихъ соглашаются сдѣлать опытъ ощущенію, коего они еще не знаютъ. Женщина подъемлетъ одинъ сотъ, обмакиваетъ въ него свой перстъ, подноситъ его къ своему языку, и прельстясь сладостью нектара Флорина, побуждаетъ вкусить отъ онаго и мущину. Кто можетъ противиться потчиванію женщины, коея рука подноситъ медъ, когда сей полъ принуждаетъ насъ толь часто поглощать полынь и желчь? Едва пріятный сокъ коснулся губамъ мужа, какъ сей возхотѣлъ проглотить весь сотъ; возбуждаясь примѣромъ своей содруги, началъ его ѣсть и насыщаться. Сіе послѣднее чувство, коего испытаніе одолжено щастливому любопытству женщины, казалось имъ чувствительнѣйшимъ всѣхъ прочихъ, испытанныхъ ими. Дѣйствіе сея легкой трапезы бываетъ поспѣшно; медовые пары пролили въ свободные протоки ихъ жилъ бальсамъ, которой ихъ усыпилъ. Сладкій

сокъ

сонѣ постигѣ ихѣ при подошвѣ мирты, подѣ коею они легли.

Мущина пробудился первой, и нашелѣ себя вѣ объятіяхѣ любезной своей содруги. Она была прилѣплена кѣ нему, такѣ какѣ виноградная лоза прививается кѣ ульму. Вѣ семѣ прелестномѣ положеніи началѣ онѣ ее разсматривать сѣ увеселеніемѣ. Но на какую прелесть утвердитѣ онѣ алчные свои взоры? Всякая возбуждаетѣ вѣ немѣ особенное притяженіе. Два мраморные шарика, бѣлѣйшіе и чистѣйшіе преизбраннѣйшаго Пароскаго мрамора, и подобящіеся двумѣ прыгающимѣ агнцамѣ, притягали его кѣ себѣ пріятнымѣ своимѣ зыбленіемѣ. Глаза ея, руки и уста казалися спорящимися о его обладаніи. Длинные русые волосы, віяся колечками, волновалися нѣжно на ея груди; но сколько еще сонѣ ее изукрасилѣ! Щеки ея, которыя онѣ умастилѣ, не надмѣвая ихѣ тѣмѣ ни мало наичистѣйшимѣ сокомѣ своихѣ маковѣ, оживотворялися прелестнымѣ румянцомѣ, мѣшающимся сѣ бѣлизною лилей. Носѣ ея, снятой сѣ самыхѣ пріятностей, не былѣ ни дологѣ, ни малѣ. Уста ея, подобяся пучку розѣ, разпустившихся

въ тотъ самой мигъ, окружали нѣжно прелестной ея ротъ, которой, будучи окруженъ играми, показываетъ въ себѣ рядъ жемчуговъ, придающихъ новое сіяніе ея рубинамъ.

Таковою-то матерь человѣческаго племени представилася первому человѣку. На столькихъ-то притязаніяхъ, божественный Промиѳей! положилъ ты размноженіе смертныхъ и умѣлъ увѣрить о томъ вѣчность. Стремленіе толь сильное въ животныхъ, самая необходимость и естественныя желанія не довольны были для сего великаго намѣренія. Ты хотѣлъ намъ сдѣлать къ тому сладостное понужденіе, и изтощенныя пріятности на нѣжный полъ суть меньшее искусство твоихъ рукъ, какъ глубокое твое между нами притязаніе.

Между тѣмъ природа, прилѣжащая управлять ихъ движеніями, спѣшитъ совершить произведеніе хитростнаго ихъ художника. Сама она воспѣваетъ ихъ бракъ; а они переходятъ изъ роскошей въ роскоши, и изъ рукъ Морѳеевыхъ въ руки Еротовы. *Какое блаженство!* вопіетъ восхищенная супруга: *ахъ! источникъ всѣхъ*

псѣхъ нашихъ благъ обитаетъ пъ насъ самихъ? Самыя наши нужды суть наши утѣхи; онѣ припязаны къ нашимъ чупстпамъ, и псякая наша часть имѣетъ ихъ особо ... Ахъ, дражайшая полопина моего тѣла! перехватилъ отецъ человѣковъ, ощущаемое мною къ тебѣ чупстпо замыкаетъ пъ себѣ псѣ прочія. Удиплялся я сіянію солнца, днепная ясность прельщала мое зрѣніе; но тпои очи несказанно ихъ блистательнѣе: тпой одинъ пзглядъ напаяетъ меня тысячію сладостей. Цпѣты сихъ полей, жипыя ихъ краски, забапляли мои глаза; но тпои сіянія постыжаютъ псе то, что я ни пидалъ блитсательнаго. Съ пріятностію обонялъ я благопоніе розъ и мировъ; но тпое дыханіе несрапненно ихъ сладостнѣе. Слышалъ я пѣніе зпучнаго солопья и нѣжныхъ пташекъ, голосъ ихъ прельщалъ только мои уши; а зпонъ тпоего прелестнаго голоса низходитъ даже до глубины моего сердца: я его чупстпую текущаго по псѣмъ моимъ жиламъ. Вкушалъ я наконецъ и сладость меда; но та, которую сосалъ я съ тпоихъ устъ, неописанно сладчайшая . . . . Но какое еще разслабленіе меня обымаетъ! не пся ли моя остапила меня крѣпость? Не помѣнялись

ли

псѣхъ … ъ насъ самихъ? … наши утѣхи; о… чупстпамъ, и псяк… съ особо … Ахъ, … рего тѣла! перехв… ъ, ощущаемое м… ыкаетъ пъ себѣ п… іянію солнца, д… а мое зрѣніе; н… ихъ блистательн… напаяетъ меня … ы сихъ полей, ж… ли мои глаза; н… тъ псе то, что я … о. Съ пріятнос… е розъ и мирт… аненно ихъ сладос… пучнаго сољопья … голосъ ихъ прельщ… зпонъ тпоего пр… тъ даже до глубин… чупстпую текущ… амъ. Вкушалъ … а; но та, котору… тъ, неописанно … е еще разслабле… ся ли моя остапи… помѣнялисъ ли

ли мы нашими душами? Не твою ли я чувствую слабость, и не за сію ли цѣну продала ты мнѣ утѣхи, чувствуемыя мною на твоей груди? Ахъ! я вижу ясно, что ты отнимаешъ опять тѣ права, которыя ты казалась уступать моему полу; и твои очи увѣряютъ тебя болѣе о владѣніи надо мною, какъ суетныя преимущества, которыя кажутся утверждающими мое.

КОНЕЦЪ.

